

СОБЫТИЯ

ЯПОНСКИЙ ГОРОДОВОЙ!

ЯПОНЦЫ! Как они загадочны и странны, непостижимы и необъяснимы! Жуткие рекламы и чудные мероприятия воспринимаются на вулканических островах к югу от Сахалина как норма, а привычные нам элементы повседневности вызывают у дикиховных даже по меркам Азии людей удивление и отторжение. Европа множество раз пыталась открыть Японию: португальские иезуиты, английские пароходы, американские атомные бомбы раз за разом прорубали в этот недружелюбный край окно, но раз за разом это окно зарастало непониманием и частой несовместимостью систем мышления. Японцы брали идеи, с которыми к ним приходили, перенимали их, выворачивали наизнанку, доводили до крайности, извращали до абсурда. Христианство, принесённое португальцами, превратилось на островах в ещё одну вариацию синтоистского язычества, английская глобальная торговля выродилась в милитаристские экспансии и Нанкинскую резню, а американский культ консюмеризма превратился в типично японскую культуру самодушительной работы до седьмого пота и стеснительного одиночества целых поколений молодёжи.

Сегодня Запад делает очередной подход к снаряду: на крохотное пятнышко где-то с правого края карты на короткое время нацелилась вся глобальная машина культурной экспансии. Японцы же, наученные веками взаимодействия со старым врагом, применили в кашу идеологических ценностей нового Запада целую гору фирменного японского абсурда. Ареной столкновения идей стал олимпийский стадион в Токио. Этот 80-тысячный красавец должен был стать жемчужиной японского самолюбования — провозглашалось, что Игры станут символом восстановления страны. В локальном смысле — от страшного землетрясения 2011-го года, а в глобальном — от экономической стагнации и стремительного старения граждан. Красота и яркость Олимпиады показали бы всему миру могущество японской мысли, а богатство и размах утёрли бы нос юго-западным соседям, проводившим Игры не так давно. Но именно из той страны, что должна была кусать локти от зависти, по миру разползлась страшная зараза. Всем резко стало не до жюри, так что Олимпиада — дорогой пиар-трик, принципиально убыточное и изначально неуклюжее мероприятие, — отошло на второй план. Прошлым летом, когда Игры должны были проходить, опешивший мир получил короткую передышку после разрушительного удара ковида. Этим же летом вирус, непременный мутуирующий, сияющий извести людей со света, сеющий боль в лёгких и панику в головах, уже стал обыденностью. Нормальность стала не менее не лишняя людей базовых представлений об уместности. Потому Игры, призванные на две недели сделать Токио столицей мира, привлеч всёобщее внимание и стать площадкой для приветственного послания Японии всему миру, оказались не нужны почти никому, даже японцам. Японское правительство, проигнорировав все причины: высокие темпы заболеваемости и нежелание граждан вакцинироваться — пошло на поводу у МОК, тем самым соорудив на эти две недели мини-модель общества идеального будущего прогрессистов. Общества, до боли чувствительного к словам, неприхотливого к условиям жизни, мыслящего лозунгами и не приемлющего стремления выделяться и побеждать.

Жуткие по западным меркам ксенофобия и национализм в Японии не зависят от политической конъюнктуры, это естественная часть японской культуры, японского образа мыслей. Именно поэтому в рамках страны нет ничего особенного в различных заявлениях и действиях видных людей, которых в Европе и Северной Америке тут же "отменили" бы и за куда более невинные выходы. В этом смысле всеобщее внимание, прикованное к организаторам Игр, сыграло с ними злую шутку. Так, режиссёра церемонии открытия Кантаро Кобаяси уволили за два дня до церемонии открытия. Всё дело испортила всплывшая шутка 1998-го года, когда он-ий Кобаяси на телевидении пошутил про холокост. Для японцев эта тема не так болезненна, да и шутка, судя по реакции, была воспринята нормально. Но западные СМИ, для которых холокост свят и неприкосновенен, развели вокруг шутки глобальную истерику, что вынудило оргкомитет (вероятно, знавший о подобном эпизоде биографии довольно заметного японского сценариста и постановщика) уволить Кантаро. В последний момент пришлось спешно переделывать нюансы церемонии открытия, дабы стереть следы проклятого японского антисемита. Но кое-что, как выяснилось впоследствии, всё же осталось — намеренно или нет, но число залпов праздничного салюта, завершающего торжественную церемонию, составило 1488 (кодовый позунг белых националистов. — **Прим. ред.**). Увольнение Кантаро — лишь последнее из череды кадровых смещений по идеологическим мотивам. Незадолго до него своего поста лишился Хироси Сасаки, креативный директор Игр. Этот креативный директор предложил в рабочем чате креативно задействовать в церемонии открытия известную японскую комедиантку Наоми Ватанабэ. Эта комедиантка отличается нетипичными для японцев пропорциями тела, что вызвало у Сасаки предложение запустить её летать по стадиону

в костюме свинки, а всё действие назвать Olympic — "Олимписвинские игры". Грубые шутки тоже свойственны японской культуре, в связи с чем по большей части их принято не замечать. Но современная западная культура — это культура в том числе и вечно обожженных пухляшей, делающих из своего недостатка культ. Под воздействием недоверия оскорблённых толстяков Сасаки мигом вылетел со своей должности, даже без костюма свиньи. За несколько дней до него работу потерял композитор церемонии открытия Кэио Оямада, в 1994-м году признавшийся в травле одноклассников-инвалидов. До Оямады, ещё в феврале, в отставку ушёл глава оргкомитета Игр Ёсио Мори. Он как-то заявил, что увеличение числа жён среди участников важных встреч (равное распределение мест в различных советах директоров — давняя идея фикс западных эгалитаристов) ведёт к увеличению продолжительности этих встреч, ведь женщины очень любят разговаривать. 82-летний Мори, руководивший подготовкой к Играм с 2014 года, не сумел перестроиться с поведения типично японского менеджера на нормы приличия, подобающие человеку, находящемуся под тщательным надзором прогрессивных сил. При всём этом есть мнение, что если бы подобные стандарты дотошного изучения всех прошлых поступков применялись ко всем членам оргкомитета, то Олимпиаду организовывать было бы просто некому: как уже было сказано, японцы не стесняются на повседневной основе делать и говорить то, что на Западе давно считается табу.

Токио должен был встречать гостей со всего мира: болельщиков, туристов, журналистов и, само собой, спортсменов, но ковиду эти планы пришлись не по душе. В результате Олимпиаду решено было проводить вообще без зрителей, в противовес, кстати, недавно прошедшему чемпионату Европы по футболу, куда зрители (хоть и не все) были допущены. Сразу по объявлении этого решения остроты принялись коморить, предполагая, что следующим шагом будет проведение Игр без спортсменов. Спортсменов, конечно, допустили, но условия им обеспечили весьма тяжёлые. Олимпийская деревня встретила своих постояльцев низкими, пригодными для жизни лишь по японским меркам толками, тонкими стенками и ставшими мемом узкими кроватями. Суть их в том, что они сделаны из экологически чистого картона, в результате чего разваливаются на части при попытке лежащего на кровати совершить резкое движение. Интернет тут же окрестил данные предметы мебели "антисекс-кроватями", на что кто-то из оргкомитета принял оправдываться тем, что соблюдение спортсменами санитарных норм — превыше всего. Этими же нормами, вероятно, оправдывается и отсутствие возможности банально постирать вещи (в олимпийской деревне нет ни стиральных машин, ни прачечных!) или умыться — принадлежности для этого процесса завезли не все. Обязательные тесты, которые необходимо сдавать всем спортсменам во время игр, тоже вызывают затруднения: говорят, что сдавать эти тесты просто некому. Парад команд на церемонии открытия, обычно такой торжественный и наполненный гордостью и уверенностью, в этот раз напоминал непевкие объятия не особо близких знакомых. Спортсмены, заматанные в маски, держась на безопасном расстоянии друг от друга, неуверенно бегощие взглядами по трибунам пустого стадиона и проходящие сквозь жидкие толпы. Все эти частности и стеснения оправдывались стремлением к эпидемиологической безопасности, совершенно напрасным, как показала практика. За один только первый день Игр выявили 17 заболевших, что с учётом ранее выявленных среди спортсменов и персонала превратилось в 123 случая. В условиях постоянного контакта спортсменами друг с другом число 123 почти наверняка уже скоро превратится в цифру существенно большую. Связанные с ковидом и плохой организацией неудобства, сопровождающие быт атлетов, вынуждают их думать не о том, как бы оказаться быстрее, выше и сильнее, а изо всех сил мечтать о скором возвращении в уютный и удобный дом.

КСТАТИ, ОЛИМПИЙСКИЙ ДЕВИЗ — упомянутые три слова — теперь превратились в четыре. К ним ни с того, ни с сего добавили "вместе". Быстрее, выше, сильнее, вместе". Вместе с кем? Вместе против кого? Вместе за что и против чего? Об этом девиз загадочно молчит. "Вместе" перечёркивает смысл предыдущих трёх слов, ведь нельзя вместе быть быстрее, выше и сильнее всех. Лишь один может быть самым быстрым, самым выше всех прыгнувшим и самым сильным. Спорт высоких достижений в своём идеальном виде изначально элитарен и эгоистичен, он не терпит слабой патоки мнимого единства, он превращает соревнование в конкуренцию, а конкуренцию — в яростное стремление любой ценой превзойти себя и всех остальных на пути к заветной медали. "Вместе" — дань духу времени, воспевающему слабость, так что стоит ожидать превращения некогда лаконичной и броской фразы в ещё более громоздкую сентенцию, тщательно объясняющую позицию глобального истеблишмента. "Быстрее, выше, сильнее, вместе, жизни чёрных важны, транссексуалы — тоже женщины, Байден выиграл честно, выбросы человеком углекислого газа вызывают глобальное потепление, продаж гараж!" — достойный девиз для новых поколений спортсменов со всего мира.

Как витрину для демонстрации подобных лозунгов воспринимают Олимпиаду многие из присутствующих в Токио в эти дни. Конечно, декларация своих взглядов всегда была подчинена всеобщему вниманию, в период Игр прикованному к обычно малозаметным спортсменам. Но на этот раз декларация вышла на передний план, заслонив непосредственно спорт. Примером этого стала женская сборная США по футболу (который далёкий от славных традиций популярнейшей игры называют соккером). Капитан сборной, розововолосая лесбиянка Меган Рапино, уже давно известна за пределами поля как яркая активистка. В крупные СМИ попадали её высказывания по поводу расизма, односторонний перепалка с Дональдом Трампом, требования равной оплаты с футболистами-мужчинами (при куда меньшем интересе зрителей и куда более низком качестве зрелища). При этом материалы о её голах, ассистах или обводках можно найти лишь на специализированных ресурсах — болельщикам нейтресна крикливая и неумелая футболистка. Женская сборная США поехала на олимпийский футбольный турнир в качестве безоговорочного фаворита, при этом на каждом шагу с её стороны раздавались пафосные заявления в поддержку всего хорошего и в осуждение всего плохого. Итогом этой политической активности стали выход на первый матч в футболках с лозунгом "Black Lives Matter" и разгромное поражение в этом матче от аутсайдеров из Швеции. После этого, однако, Меган и её партнёрки изкупили вину, блестяще разгромив полулюбительскую сборную Новой Зеландии. Тут хотелось бы написать про реакцию общественности на такое яркое событие, но её толком не было. Пара-тройка маргиналов и ряд оппонировавших левой повестке публицистов, двигающих свою идеологию так же бесовственно и неуместно, как сама Меган Рапино — вот и весь урожай мнений благодарной публики.

Стоит сказать, что вклад миссис Рапино во всеобщее равнодушие не так велик, как может показаться со стороны. Да, женский футбол интересен широкому кругу болельщиков лишь в контексте поиска смешных провалов футболисток и, да, "смелые" политические высказывания из каждого утюга порядком утомили публику. Но важно здесь и то, что эта Олимпиада оказалась просто-напросто нейтресна зрителям. Контекст, сделавший проведение Игр максимально неуместным мероприятием, отсутствием обычно присущей Олимпийским играм атмосферы чего-то грандиозного, откладывание важного мероприятия на целый год, негативный информационный фон, окружающий Олимпиаду, — всё это способствовало рекордно низкому уровню интереса. Российские СМИ писали об этом как о явлении, наблюдаемом лишь внутри страны из-за отсутствия сборной России на Играх, из-за слабого информационного сопровождения Олимпиады после 2014-го года и из-за доминировавших скандалов. Тем не менее CNN фиксирует антирекорды внимания к Олимпиаде и в США. При этом утверждается, что ковид не играет здесь решающую роль: рейтинги ОИ в Токио существенно ниже, чем были рейтинги Олимпиады в Рио, а те, в свою очередь, существенно уступали рейтингам лондонских Игр. Аналитики CNN связывают это с упадком телевидения в принципе, но другие регулярные спортивные события не заметили этого упадка или же перенесли его куда легче. Вывод о том, что публике перестала быть интересна Олимпиада в принципе, слишком громок и противоречив, чтобы делаться на основании одних лишь рейтингов телезрителей, но эти рейтинги можно воспринимать как один из признаков падения интереса. Косвенным признаком можно считать и тот факт, что единственный из иностранных лидеров, кто прибыл на церемонию открытия, был Макрон. Французский президент, может, и рад был отсидеться дома, но пришлось лететь через полимари ради поддержания статуса страны — хозяйки Игр, планирующих в Париже уже через три года. Эммануэль пообещал провести церемонию открытия грядущей Олимпиады не на стадионе, а на берегах Сены. Макрон, чей рейтинг начал заваливаться в начале лета, может и не переизбраться в следующем году, и за длинный язык нынешнего французского президента, возможно, придётся отдуваться уже следующему. Сам же Макрон, полетевший в Токио в разгар очередного шпионского скандала, вскрывшего слежку за французским президентом, и на пике общеввропейских протестов против антиковидных мер, стал настоящим олицетворением неуместности и нежункости токийской Олимпиады.

Сами японцы, вопреки хладнокровной сдержанности собственного правительства, отлично чувствуют эту неуместность. Пока мировые политики хвалили Токио за способность адаптироваться к переменам, на улицах японской столицы шли митинги. В Японии, где с конца июня нарастает очередная, уже четвёртая волна заболеваемости, жители не особо стремятся прививаться: двадцати процентов вакцинированных явно недостаточно для безопасного и успешного проведения праздника спорта. Протесты, шествия с плакатами, перекрытия улиц — участники немногочисленных, но довольно заметных акций утверждали, что в период кризиса куда правильнее было бы потратить деньги на борьбу с ковидом, чем на дорогую и не имеющую шансов окупиться Олимпиаду. Какими бы странными, загадочными и непостижимыми ни были японцы, их можно понять. Игры, на которые поставили так много, не выполняют своей задачи. Символ восстановления страны от последствий кошмара 2011-го года — огромная десятиметровая марионетка, управляемая толпой людей, — оказалась никому не нужна. Она вышла с северо-востока страны и дошла до Токио как раз ко дню старта Игр, но не вызвала особого отклика в СМИ. Гораздо больший отклик, если судить по новостям, вызвало противодействие Олимпиаде со стороны животного мира: дикого медведя, скрывавшегося на олимпийском поле для футбола, и атак бешеных устриц на токийское побережье обсуждали куда больше. Всё дело в том, насколько правильно говорить о преодолении одного кризиса в разгар другого. В 1964-м году Токио уже принимал Игры, и тогда их проведение тоже символизировало успешное восстановление страны после кризиса: войны и послевоенного упадка. Но в те времена Японию ждало прекрасное будущее: экономический подъём, восхождение к мировому технологическому лидерству, становление в статусе глобальной столицы информационной индустрии и автомобилестроения. Сегодня в прекрасное будущее Японии — экономически стагнирующей страны стариков, давно потерявшей лидерство в науке и технологиях, — не верит никто. Олимпиада-1964 показывала всему миру

новую Японию, свободную от предрассудков прошлого, открытую, готовую влиться в глобальный культурный и политический поток. Исконно японская склонность к изоляции, резкое неприятие всего внешнего, инородного, чужого — Олимпийские игры-2020, проходящие в 2021 году, запомнятся провозглашением именно этого.

Илья ТИТОВ

ПАРНИКОВЫЙ АФФЕКТ

СО ВРЕМЁН ПОДПИСАНИЯ Парижского соглашения по климату в 2015-м году мировые государства обрели ещё одну арену для явной геополитической борьбы — экологию. Выходя за рамки привычных правил, вопросы экологии разделяют противоборствующие политические лагеря не на условных левых/правых или Запад/Восток, а на алармистов и реалистов. Нынешнее лето показало, что прогрессивные европейские государства выбирали роль паникёров. И менять её совсем не собираются.

Около месяца назад Международное энергетическое агентство (МЭА) опубликовало документ под названием "Net Zero by 2050. A Roadmap for the Global Energy Sector" ("Нулевой баланс выбросов к 2050-му году. Дорожная карта для глобального энергетического сектора"). Большая часть этого документа представляет собой последовательный план из 400 шагов по снижению — вплоть до нуля — выбросов углекислого газа в атмосферу. Очевидная проблема подразумевает, по мнению экспертов из МЭА, очевидные решения: повсеместное использование АЭС, отказ от строительства угольных электростанций, повышение доли электромобилей в глобальных продажах, внедрение систем захвата углекислоты в промышленных сферах, троенное увеличение вложений в капитализацию мировой энергетики. МЭА выдвигает и такие непопулярные меры, как экономия на отоплении и кондиционировании, а также резкое снижение количества авиаперелётов — особенно на короткие дистанции. Однако при всём этом остаётся животрепещущий вопрос о декорбанизации в развивающихся странах, чьи старорежимные предприятия растянут выполнение плана по достижению нулевого выброса углекислого газа в атмосферу аж до 2070-го или 2090-го года. Здесь, по предположению МЭА, развитые экономики мира вложатся в программы по модернизации энергетических отраслей своих менее успешных подопечных. Крайне оптимистичен прогноз и по зелёной энергетике: к 2030-му году "чистые" электростанции дадут до 14 миллионов новых рабочих мест.

Особое внимание в "дорожной карте" уделяется нефтяной и газовой промышленности. "Спрос на нефть уже никогда не вернётся к пику 2019 года," — делает вывод МЭА. Соответственно, в ближайший три десятилетия снизится потребность в "чёрном золоте", а цена барреля упадёт до 35 долларов. В качестве же основных поставщиков нефти в середине XXI века эксперты рассматривают членов ОПЕК. Их совокупная доля на мировом рынке нефти сканёт с 37% до 52% к 2050-му году. Общий спрос на природный газ, в свою очередь, снизится вдвое, и, как следствие, разработка новых месторождений в будущем не потребует.

В схожем алармистском духе под руководством нобелевского лауреата по экономике Жана Тироля был подготовлен и недавний отчёт "Major Future Economic Challenges" ("Главные экономические проблемы будущего"). Написанный по просьбе президента Франции Эммануэля Макрона, этот отчёт включает в себя главы, посвящённые изменению климата. Вытекающие из выбросов углекислого газа экологические проблемы ставятся во главу угла и признаются однозначно угрожающими всему человечеству. Строго говоря, алармизм этого отчёта подтверждается приведённым в нём подсчётом общего объёма мировых инвестиций в зелёные технологии (жалкие 4%) и утверждением о том, что регулируемый углеродный налог недостаточен в качестве меры контроля. Другая проблема, по мнению Тироля и коллектива авторов, заключается в том, что разрушение экосистем и очередная внеплановая миграция могут послужить причинами конфликтов и даже войн.

Наконец, важнейшим событием в контексте сохранения экологии стало представление Еврокомиссией 14 июля тринадцати законодательных инициатив по сокращению выбросов углекислого газа к 2030-му году на 55%. Озаглавленный, как "Fit for 55" ("Готовые к 55"), этот пакет законов включает в себя целый перечень способов налогообложения тех или иных энергоресурсов. Во-первых, ревизию подверглись системы торговли квотами на вредные выбросы, установлен трансграничный углеродный сбор. Во-вторых, повышены налоги на морскую и авиатранспорт, в Европе подорожают бензин и дизельное топливо. В-третьих, на протяжении следующих десяти лет возобновляемые источники энергии и виды топлива с низкими выбросами (например, водород) не будут облагаться налогом. В качестве фонда для смягчения социальных последствий перехода Евросоюза к "чистой экономике" до 2032-го года будет выделена сумма в 14,4 миллиарда евро. При одобрении Европарламента и всех 27 стран Евросоюза программа "Готовые к 55" уже в ближайшем времени вступит в силу.

Юридическая подготовленность Европы, как и всеские её прогнозы, не решает основного вопроса о купировании глобальной экологической проблемы. Для реальных изменений мало законов и налогов — требуются прорывные технологии в сфере зелёной энергетики, но сегодня проекты возобновляемой энергии ещё очень далеки от того, чтобы обеспечить всеобщие потребности. А при условии ограничения потребления электроэнергии, как предполагается в документе МЭА, человечество может испытать двукратное или троенное увеличение цены на электричество и отопление — фантастическим вариантом в этом случае не кажется даже банальный дефицит энергии. Фактическое закрытие "углеродовыбрасывающих" производств лишит рабочих мест множество людей по всему миру.

Арсений ПАТОВ

ХРУСТ ФРАНЦУЗСКИХ БУЛОК

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ научили мир и в особенности европейских граждан безропотной порочности в отношении любых самодушительных инициатив собственных правительств. Массовый и бесконтрольный завод мигрантов, эрозия семейных норм на законодательном уровне, уничтожение промышленности целых стран, безумные налоговые выходы и невнятная внешняя политика как в пределах ЕС, так и вне его, — всё воспринималось людьми со спокойствием, достойным мастеров дзен-буддизма. Со временем возникло ощущение, что европейские совершенно нейтресна политика их стран, точно так же, как бюрократов со всей Европы ни в какой мере не интересуют мнение этих самых европейцев — эти две обобщённые привычки существовать в двух параллельных реальностях. Тем удивительней были редкие всплески гражданского недовольства. Пресловутые "жёлтые жилеты", массовые выступления гомофобов да дежурные митинги в честь праздников или памятных дат всегда наводили в заболоченной Европе переполюх. Ковидная эпоха подарила ей массу поводов для протеста: иногда эти поводы были ограничены, иногда — бездействием властей, а иногда — простое отчаяние от бессильного наблюдения роста числа заболевших. Вторая половина июля принесла в эту копилку поводов новый, доселе невиданный, — введение санитарных пропусков в исторической самой протестующей стране Европы, Франции.

Французские санитарные пропуска отлучаются от собианныхся QR-кодов в той же степени, в которой жестокие нравы Франции эпохи Екатерины Медичи отличаются от гуманизма Ивана IV. Во-первых, сани-

тарные пропуска вводятся по всей стране, от Морле до Ниццы. Во-вторых, эти пропуска куда более щедры на ограничения — без них не войти не только в заведения общепита, но и во все остальные общественные места. Более того, граждане, не прошедшие вакцинацию, потеряли возможность использовать междугородный транспорт и посещать мероприятия численностью более 50 человек. На введение таких порядков (кстати, поразительно быстро прошедших парламент) французы отреагировали двумя противоположными образами. Первые массово пошли записываться на вакцинацию — власти говорят, что в первый же день после объявления новых правил заявку на прививку подало около миллиона человек. Вторые столь же массово выселились на улицы: безусловный исторический рефлекс велит французу в случае малейшего недовольства властью тут же подниматься на баррикады. Протесты охватили всю страну, но особенно яркими они получились в Париже. 14 июля две массовые акции гражданского неповиновения прошли одновременно, на расстоянии в три километра друг от друга. Одна — на площади Республики, где, как правило, собираются стихийные акции протеста по любому поводу, вторая — на площади Клиши, почти что по соседству. Единственная разница состояла в согласованности этих акций: первая возникла спонтанно и собралась куда больше народу, чем вторая. Вдохновлённые примером своих славных предков парижане встретили 14 июля столкновениями с полицией, забрасыванием местного ОМОНа бутылками и камнями, вдыханием слезоточивого газа и громогласными требованиями свободы для себя и смерти для тиранов. Аналогичные акции проходили во всех крупных городах страны. Всё это с переменным успехом продолжалось на протяжении почти полутора недель, так что французский Сенат под воздействием этих демонстраций, как написали французские СМИ, существенно смягчил требования нового закона. Теперь разрешено посещать открытые веранды кафе, да и начало действия закона передвинули вправо, на две недели вперёд. Подобные "значительные" уступки не слишком впечатлили толпу. Напротив, они увидели, что с властями можно торговаться. Так что ждать конца этих немногочисленных, но яростных протестов пока не стоит.

Французские протесты обладают своей неповторимой спецификой. Прошлой осенью во время общеввропейского воспела ковидных бунтов Франция протестовала против закона о защите приватности правоохранительной. По всей Европе недовольство вызывали бездействие местных властей в тех областях, где должно действовать, и чрезмерная суровость в тех сферах, где можно было обойтись без неё. Те протесты показали жителям Германии, Нидерландов, Испании и Италии, что с неповиновением на ковидном фронте государство мириться не желает: жёсткие разгоны демонстраций, обливание протестующих холодной водой на морозе, щедрые раздачи туманов резиновых дубинками и травля слезоточивым газом не допускали интерпретаций позиции властей. Французы же отличались не только подтверждением, что гражданское неповиновение — их любимый способ досуга, но и полным отсутствием иммунитета к антиковидным идеям государства. Более того, это самое государство проявило слабость, пойдя на уступки протестующим. Ждать ослабления мер против пандемии не стоит, ведь во Франции с начала июля фиксируется стабильный рост числа заболевших. Но и спада общественного недовольства тоже ждать не приходится. Безвыходная ситуация находит своё развитие в падении рейтингов власти предрешающих: согласно опросам, с начала лета популярность Макрона оказалась даже ниже, чем у соперницы действующего президента на выборах 2017 года — Марин Ле Пен, слабо представленная в большой французской политике, переживает мосье президента пока всего лишь на пару процентов. Однако по факту слабое противодействие правительства пандемии станет козырем оппозиционного кандидата на выборах 2022 года, так что шансов избраться на второй срок у Макрона всё меньше.

Валерий ВОРОБЬЁВ

ТАКИХ НЕ БЕРУТ В КОСМОНАВТЫ

ПОКА ВСЯ РОССИЯ возмущалась цыганскими хоровыми полковника Сафонова, в направлении космоса, преодолевая сопротивление плотных слоёв атмосферы, летела лысына Джеффа Безоса. Самый богатый человек в мире, владелец Amazon, The Washington Post и, что самое главное, частной космической компании Blue Origin полетел в космос. Как бы это ни пытались скрыть лояльные СМИ и восторженные научпоп-блогеры, не долетел. Граница между самыми высокими атмосферными потоками и самыми низкими путями космических частиц расположена на высоте 118–120 километров над поверхностью планеты, Безос же ограничился высотой 100 километров, то есть до космоса он сильно не дотянул. Корабль New Shepard ("Новый пастьух") управлялся с Земли в автоматическом режиме, то есть пилотируемое не осуществлялось ни одним из участников полёта. Давняя идея владельца Blue Origin состояла в рекламе космического туризма на собственном примере. Задолго до полёта интернет наполнился петициями в духе "требуем не пускать Безоса обратно на Землю!". Сомнительная популярность Джеффа обусловлена как внешностью типичного голливудского злодея, так и скотскими, совершенно невыносимыми для развитой страны, условиями труда на складах и в распределительных центрах Amazon. Репутация Безоса породила шутки о том, что десятиминутное отсутствие шефа на Земле подарило сотрудникам Amazon небольшую передышку от изнурительной работы. На всякий случай, во избежание исполнения интернет-петиций, Джефр подстраховался и взял с собой на орбиту 18-летнего студента Оливера Дамена, своего брата Марка и 82-летнюю старушку Уолли Фанк, ничуть не заслуживших незавидной участи остаться в космосе вместе с мистером Безосом. Старт ракеты странной формы, суборбитальной полёт и приземление прошли удачно — сам Безос рапортует об огромном пиар-успехе и возросшем количестве заказов туристических полётов на орбиту. Незадолго до владельца Amazon в окрестности космоса летал другой богач — Ричард Брэнсон, владелец группы компаний Virgin. Он не долетал даже до нижней границы того, что хотя бы с большой натяжкой можно считать космосом, но свою долю народной любви получил. "Может быть, вместо полётов на орбиту заплатить налоги?". "Как насчёт того, чтобы вернуть в госбюджет деньги с субсидии?". "Лучше бы на эти деньги наладили связь, предоставляемую Virgin Mobile" — пишут подписчики Брэнсона в соцсетях.

Весь жалкий полёт о том, что самолюбование толстоуемых — очередной этап эволюции космической отрасли, не имеет смысла. Запускать людей на небольшие по космическим меркам высоты научились ещё в первой половине XX века, никакого научного прорыва в этом нет, как бы в этом ни пытались убедить нас авторы The Washington Post. С начала коронакризиса американские миллиардеры суммарно подняли по разным оценкам от 1,4 до 2 триллионов долларов, в среднем разбогатев где-то на 40–50%. Между тем для рядовых американцев хаос финансового кризиса несёт лишь потери: бесконтрольное влияние денег ФРС в американскую экономику вызвало рост потребительских цен на 5,5% в месяц. Трата миллиардерами огромных денег ради пустой саморекламы — демонстрация огромного разрыва между толстоуемыми, разбогатевшими в период коронакризиса до неприличных цифр, и всеми остальными, постепенно сползающими в сторону бедности. Полёты Безоса и Брэнсона в этом смысле отлучаются от визга безвкусицы в особняке главы ставропольского ГИЕДД лишь одним — качественным пиаром.

Кирилл ЗАЙЦЕВ

Триумф сборной России в Токио. Российские гимнасты Никита Нагорный, Артур Далалоян, Давид Белявский и Денис Аблязин победили в командном многоборье на Олимпиаде